

Участие в научных конференциях

В своих воспоминаниях «Я математик» Норберт Винер писал, как на математических семинарах и конференциях обсуждал с коллегами интересующие его проблемы, гуляя по горным тропинкам каких-то курортов. Во время таких прогулок, одновременно с научными проблемами, обсуждались и другие, актуальные для беседующих, вопросы. Это могли быть как проблемы политики, искусства, так и проблемы собственного быта и здоровья. Такие же мероприятия описывают в своих воспоминаниях известные физики-теоретики.

В 60-ых годах такие встречи начали организовываться и в СССР. Интересен был и сам механизм организации таких мероприятий и то, что в результате получалось. Люди, которые в разных странах занимались проблемами автоматического управления, часто были между собой близко знакомы и с 1956 года объединялись в некую общественную организацию, которая и сегодня носит название Международная федерация по автоматическому управлению (ИФАК – International Federation of Automatic Control). ИФАК раз в 3 года в разных странах проводит свои международные конференции. В государствах, участвующих в работе ИФАК, существуют органы, которые носят наименование Национальные комитеты. В 1960 году в Москве состоялся Первый международный конгресс ИФАК, в котором приняло участие около 2000 советских и иностранных специалистов. Это было первое подобное масштабное научное международное мероприятие в Советском Союзе. Национальные комитеты организовывали в своих странах т.н. Совещания с приглашением отечественных и зарубежных ученых. В 1965 году было организовано III Всесоюзное совещание по автоматическому управлению (технической кибернетике). Вот тут то и началось нечто любопытное.

За год или два до этого был проведен семинар по каким-то частным проблемам управления, во время которого все участники жили в каком-то Доме отдыха не то в Карелии, не то еще где-то на берегу каких-то озер. Все много гуляли, и это очень народу понравилось. Для проведения большого Совещания начали искать большой курортный город с Университетом, который взял бы на себя местные организационные вопросы. Выбор пал на **Одессу**. Традиционно это мероприятие происходило в сентябре – октябре, когда уже кончался сезон отпусков, но еще не испортилась погода и не начались активные вузовские занятия. Было определено, что в совещании примут участие 1000 человек. Встала проблема, где в сентябре месяце разместить на неделю в Одессе столько народа. Ни одна из гостиниц и ни один из санаториев столько мест одновременно предоставить не брались. Возникла идея арендовать большой теплоход и разместить всех в его каютах, а кормить народ в корабельных ресторанах. Такой теплоход нашелся. Это был знаменитый «Адмирал Нахимов», который через много лет трагически погиб на рейде Новороссийска. Но стоимость аренды теплохода стоила одинаково, если бы он стоял у причала в Одессе или если бы он совершал круиз по Черному морю. Простой не должен был принести

финансовый ущерб пароходству. И тогда организаторы решили – пусть плывет. Так было организовано Всесоюзное совещание с 1000 участниками на совершающем круиз теплоходе по маршруту: Одесса – Ялта – Сухуми – Батуми – Сочи – Одесса. На такое крупное мероприятие были приглашены крупные ученые из стран социалистического лагеря, США, Англии и др. Естественно, что на это было получено одобрение отдела науки ЦК. И надо отметить, что, по моим представлениям, такого мероприятия больше никогда не было. Больше не разрешали.

Возникло три проблемы. Первая была связана с оплатой мероприятия. Участники получали по месту работы обычную сумму на командировочные расходы и оплачивали как бы проживание в гостинице, а то, что это оплата плавающей «гостиницы» во избежание трудностей при финансовых проверках в командированных документах не упоминалась, хотя эти расходы были выше, чем проживание в обычной гостинице. Кажется, при оплате была нужна специальная виза дирекции с разрешением. Вторая проблема была связана с тем, чтобы не создалось у общественности впечатление о проведении выездного пляжного мероприятия и пьянки в рабочее время за казенный счет. Для этого на борт взяли большое количество журналистов газет и радио, для которых проводились регулярные пресс-конференции. Пресс-конференции проводились ежедневно. Журналистам объясняли, что и кто интересного рассказал на очередном заседании. В результате все газеты опубликовали очерки о работе необычного сборища ученых. Сам слышал примерно такой комментарий радиостанции «Маяк», что по Черному морю плывет корабль, пассажиры которого не купаются и не загорают, а решают сложные проблемы современной науки. Третья была связана с проблемой секретности. Так как люди, связанные с системами управления, в подавляющем большинстве что-то делали для обороны, то всех, кто получил приглашение на это мероприятие, предупредили, что общаться с иностранцами нельзя, а также нельзя никому называть имя той организации, где делегаты работают.

Попасть мне туда оказалось не сложно, так как мой научный руководитель и друг и я вместе с ним были тесно связаны с Институтом автоматики и телемеханики (ИАТ), при котором работал оргкомитет и Национальный комитет ИФАК. От нашей фирмы поехало 4 человека. Один из нас делал сообщение на одной из секций по материалам своей диссертации, я подготовил выступление в дискуссии по одному из докладов на другой секции с данными из своей диссертации, которую я тогда готовил.

В дальнейшем был выработан простой алгоритм попадания на подобные мероприятия. Надо было подать заявку на доклад, и приглашение оргкомитет обычно выделял, даже если доклад, по каким-либо причинам, и не включали в повестку дня.

По приезде в Одессу надо было зарегистрироваться не то в Университете, не то в Доме ученых, точно уже не помню. При регистрации давали два билета. Один в Одесскую оперу, где происходило торжественное открытие и концерт, а другой – билет на теплоход с указанием номера каюты и места в ресторане. На таком большом теплоходе, как «Адмирал Нахимов» были каюты разного класса и с разным количеством мест. А еще они отличались наличием или отсутствием иллюминатора, т.е. окна с видом на море. С окнами были каюты у докладчиков и почетных гостей, а у остальных были места в каютах без окон. В окнах с видом на море в обычном кру-

изе большой необходимости нет, так как все время проводишь на палубе. Но, когда корабль тонул, такие каюты, при потухшем освещении, для многих оказались ловушками. Но все это было в далеком будущем, и нас на тот момент не волновало. Через несколько лет мы всей семьей плыли из Сухуми в Одессу на «Адмирале Нахимове» и опять пользовались каютой такого же класса. Нам даже посоветовали взять двухместную каюту и одно палубное место, но ночью спать не на палубе, а в каюте на полу, на надувном матрасе, который у нас был, как у всех курортников.

Вечером, после торжественных мероприятий в опере мы разместились в каютах. А утром проснулись в открытом море. После завтрака начались плановые мероприятия. Параллельно работало 17 секций в салонах корабля и на закрытых застекленных прогулочных палубах. Кормовая и носовая палубы были предназначены для мероприятий с участием большого количества народа, там происходили открытые дискуссии и пленарные заседания. Люди, привыкшие к официальному характеру подобных мероприятий, пришли на первые секционные заседания в пиджаках и галстуках, но жара была такая, что в первый же перерыв все пиджаки сняли.

В большой перерыв сняли сети, прикрывающие плавательные бассейны на палубах, и народ, надев плавки и купальники, ринулся в воду. Это было великолепно, но народу в воде было столько, что фактически можно было только намочнуть, прижавшись плечом к плечу коллеги. У меня сохранились, отснятые мною кинокадры этого мероприятия. Потом после обеда началось вечернее заседание. Когда я, перемещаясь с одной секции на другую, случайно заглянул на кормовую палубу, то увидел толпу заседающих в шезлонгах голых ученых. Говорят, что метаморфоза произошла следующим образом. Там шел какой-то диспут, собравший много народа. Все были уже без галстуков, но в рубашках и брюках. И тут появился какой-то чешский профессор и попросил слово по процедурным вопросам. Он напомнил, что древние греки, собравшись на свои симпозиумы полностью оголялись, чтобы ничто не стесняло ход их мыслей. Председательствующий, кажется, это был чл. корр. АН СССР А.М.Летов, в ответ на это заявление начал расстегивать воротник. В дальнейшем режим работы был таков: все ходили по кораблю и сидели на секционных и пленарных заседаниях в шортах или плавках и без рубашек, но докладчик из уважения к аудитории на время выступления рубашку надевал. Вечером после ужина открывались бары и начинались танцы. Так как дам среди делегатов было очень мало, то танцевать из недр судна поднимались все морячки – поварихи, официантки и стюардессы.

На следующий день и в дальнейшем, после обеда, корабль останавливался у причала очередного черноморского курорта, подавались автобусы и всех увозили на экскурсии. В Батуми на целый день был перерыв в заседаниях. Всех повезли на экскурсию в ботанический сад на Зеленый мыс, а после экскурсии народ лежал на батумском пляже и переваривал шашлыки.

Заседания исправно происходили в первой половине дня, когда бассейны и бары были закрыты, а корабль плыл по просторам Черного моря. Мы доложились, и эти материалы потом были опубликованы в Трудах совещания.

Публика на корабле собралась действительно уникальная. Были все корифеи отечественных «управленцев» во главе с академиком В.А.Трапезниковым. Они вели секционные заседания, и с ними можно было свободно общаться между заседаниями.

ми на палубах и на танцах. У них не было своего замкнутого круга. Были любопытные диспуты. Помню, как на солнечной корме проходил бурный диспут о судьбе образования специалистов в области автоматического управления. На фоне морского пейзажа все были раскрепощены и взаимно расположены.

Была сравнительно небольшая, но очень интересная группа иностранцев. Кроме профессуры из социалистических стран, многие из которых когда-то были студентами и аспирантами в Союзе и лично знали многих присутствующих, были еще и уникальные лица из капиталистических стран. Все рассматривали профессора Чанга из США, который в эти годы, кажется, возглавлял НАСА, и Гарольда Честната, известного своими работами в области больших систем и который в это время возглавлял ИФАК. Пожалуй, самым крупным ученым среди иностранцев был известный американский математик Лофти Заде - создатель нового направления в математике, в основе которого лежит понятие нечеткого множества, играющего большую роль в решении задач теории принятия решений и искусственного интеллекта. Он выходец из Азербайджана, свободно говорит по-русски, а его красавица-жена была главным украшением вечерней танцплощадки. Все ученые-иностранцы были так наглухо заблокированы аспирантами ИАТ, что общаться с ними простому смертному было практически невозможно. Они их развлекали, им переводили, гуляли с ними по берегу, сопровождали на экскурсиях. Это не распространялось на танцы с миссис Заде. Мне был особо интересен югослав Кокотович, который принял большое участие в создании теории параметрической чувствительности динамических систем, трудами которого я пользовался в своей диссертации. Он был бывшим аспирантом академика Я.З.Цыпкина.

По возвращении в Москву кое-где прошли финансовые проверки, и проверяющие обратили внимание на несоразмерно большие выплаты на погашение гостиничных расходов у побывавших в Одессе. Наш институт в их число не попал. Больше таких мероприятий на моей памяти никто устраивать не рисковал. Но выездные совещания и конференции продолжались. Республиканские национальные комитеты соревновались за право организации очередных Всесоюзных мероприятий.

Каждая научная конференция, происходившая в Москве или в других городах, запомнилась по какому-то новому событию, знакомству или посещению.

Так как ученые, как люди культурные, обычно интересовались актуальными событиями искусства, то научные мероприятия всегда сочетались с культурной программой. Я упомянул, что открытие совещания в Одессе происходило в одесском оперном театре, где состоялся концерт. Он в памяти не остался, но культурные мероприятия во время некоторых других встреч запомнились. Самым любопытным по окружавшей его секретности был кинопросмотр в московском Доме ученых в феврале 1967 года. В этом году в Москве проходил I Всесоюзный симпозиум по статистическим проблемам в технической кибернетике, где у меня было сообщение. Среди участников разнесся слух, что после заседания покажут какой-то новый кинофильм об ученых, который еще не вышел на экран и возможно, что его на экран и вообще не выпустят. В конце вечернего заседания объявили, что просмотр фильма состоится через час или два. Я срочно вызвал жену и, воспользовавшись чьим-то удостоверением участника, провел ее в зал. Ждали долго, и вот появился академик

А.И.Берг, который в то время был руководителем Совета по кибернетике Академии Наук СССР. Он рассказал, что ему с большими трудностями удалось достать для просмотра учеными экземпляр художественного фильма режиссера Юлия Райзмана по сценарию Евгения Габриловича «Наш современник», в котором обсуждаются проблемы преодоления барьеров при разработке и внедрении новых научных достижений. По его словам, трудность заключалась в том, что фильм еще не получил окончательное одобрение ЦК партии и поэтому не размножен для массового показа. Фильм был посвящен взаимоотношениям между создателями новой науки и промышленности с партийной и хозяйственной бюрократией. Он оказался очень острым, злободневным и хорошо сыгранным. В прокат фильм вышел только через год в 1968 году к какому-то партийному мероприятию.

Иногда научное мероприятие оставалось в памяти только благодаря сопровождающей его культурной программе. В **Минске** очередное Всесоюзное совещание по автоматическому управлению открывалось тоже в оперном театре. После заседания дали балет «Сотворение мира» композитора Андрея Петрова, который был оформлен по мотивам рисунков французского художника Жана Эффеля. Балет, его постановка произвели на меня большое впечатление.

В 1977 году я был в **Туле** на семинаре, посвященном разработке больших автоматизированных плановых систем. Там нас возили в закрытый музей стрелкового оружия, в музей самоваров и на выставку производства тульских пряников. Все это сочеталось с изложением теории многоуровневого планирования производства. В свободное время ходил смотреть Тульский кремль.

Так было везде. Позже кроме культурной программы появилась и неофициальная женская программа, так как многие приезжали с женами, которые на научные совещания не ходили и их надо было чем-то занять.

Следующее после Одессы Всесоюзное совещание было в **Тбилиси** на базе Тбилисского университета в 1968 году. Теперь я решил втянуть в это мероприятие жену. Трудность состояла в том, чтобы обеспечить ее жильем на время, когда там будет происходить мероприятие. В Тбилиси мы поселились в только что отстроенной многоэтажной комфортабельной гостинице «Иверия», где жило большинство участников. Для жены и еще одной нашей сотрудницы было организовано письмо директору «Иверии» из какой-то солидной фирмы. Этого оказалось достаточным для получения номера. У нас был номер с великолепным видом на старый город, старинную крепость и монумент «Мать-Грузия». Все это ночью великолепно подсвечивалось.

В Тбилиси открытие совещания было в здании Верховного Совета Грузинской ССР на проспекте Руставели, перед которым потом происходили все события, потрясавшие Грузию. Именно на этом месте солдаты саперными лопатками разгоняли демонстрантов, там состоялась и революция роз. Заседания происходили в аудиториях Университета и в здании местного Университета Марксизма-Ленинизма. Это здание тоже было на проспекте Руставели и было знаменито тем, что на фасаде его сохранились барельефы, отражающие события из жизни Сталина, а внутри были соответствующие громадные панно. Чтобы скульптуры на фасаде не бросались в глаза, перед домом стояла стена высоких деревьев, закрывавших фасад от прохожих.

Вообще, в Грузии в 1968 году еще не было окончательно сформулировано

отношение к культу личности Сталина. На Мтацминде – горе, возвышающейся в центре города, уже был демонтирован памятник Сталину, но сохранился его постамент, около которого была развернута фото-выставка, посвященная роли Сталина в Отечественной войне.

В Тбилиси официальное гостеприимство к участникам совещания было столь велико, что во всех главных ресторанах вечером для делегатов были забронированы столики. На столиках стояли флажки с эмблемой совещания, и если у посетителя был совпадающий с флажком значок, то его размещали с соответствующими почестями.

В дальнейшем я отработал методику обеспечения жены местом в гостинице на время проведения наших конференций. Крепла система сервиса, и появилась возможность предварительно бронировать места в гостиницах крупных городов страны. Узнав, где будут расселять делегатов, я там бронировал место. По приезде я получал направление на поселение для себя и имел броню для жены. Надо было только попросить администратора, чтобы нас разместили в одном номере.

В 1983 году мы с женой в октябре попали в **Ереван**. Нас убеждали, что в это время в городе стоит жара, и зонты брать не надо, так как местные жители даже не знают, что такое дождь. Дождь пошел вечером в день нашего приезда и с перерывами шел всю неделю. Холод был такой силы, что в гостинице, которая не отапливалась, постояльцам выдавали вторые одеяла. Так как мы были в театре и к раздаче одеял опоздали, то нам досталось только одно дополнительное одеяло. Мы спали вместе, в одной кровати, укрывшись тремя одеялами. Но тем ни менее мы рано утром увидели обе вершины Арарата, съездили на Севан, в Эчмиадзин, были в мемориальном комплексе, посвященном геноциду армян, попали на экскурсию в сохранившийся древнеримский храм в горах – Гарни. Наш приезд совпал со смертью известного композитора Арно Бабаджаняна, и мы стали свидетелями необыкновенно массовых всенародных похоронных мероприятий. Хотя он жил в Москве, хоронили его в Ереване.

В **Баку** я был несколько раз, как на научных мероприятиях, в командировке с поручением к местному министру нефтеперерабатывающей промышленности, так и на отдыхе. Удалось посмотреть и храм огнепоклонников и наскальные картины людей каменного века в Гобустане, на окраине города. Одно из наших научных совещаний проходило в шахском дворце, где разместилась местная Академия наук. Это дворец из «Тысячи и одной ночи» и расположен он недалеко от знаменитой Девичьей башни. Секционные заседания там были самыми неформальными из всех мною виденных. Все сидели на стульях кружком и обсуждали каждое выступление. Как-то я оказался рядом с академиком Никитой Моисеевым, который доказывал, что многие проблемы управления хорошо объяснимы с позиций теории игр.

В 1986 году мы с женой были в **Алма-Ате**. Это оказался совершенно русскоязычный город, несмотря на статус столицы Казахстана. Он был основан русской армией в 1854 году под названием Верный (и такое название носил до 1921 года). Мы ходили по городу и удивлялись, что национальный колорит здесь можно было увидеть только в ресторане национальной кухни. В центре было много современных новостроек (площадь Брежнева, окруженная зданиями правительства и ЦК партии, громадная гостиница «Казахстан», в которой мы жили, очень интересный фонтан из

12 фигур знаков Зодиака и др.), но рядом был старый город, где жило плохо устроенное местное население. Недаром столицу Казахстана перенесли на новое место, где построили новый город.

Интересно сложилась поездка на высокогорный каток Медео, расположенный недалеко от Алма-Аты. Дорога туда шла через сады, где деревья ломались под тяжестью яблок сорта апорт. А за зоной садов дорога круто пошла в горы, и мы оказались в тумане и снегопаде. Спортивный комплекс был занесен снегом, и даже увидеть противоположные трибуны стадиона из-за стены снега и тумана было невозможно.

Последним из череды подобных мероприятий, в которых мы приняли участие, была поездка в **Ташкент** в 1989 году.

Научная программа сопровождалась как всегда экскурсиями. Мы поехали на целый день в Самарканд. В Самарканде до этого я побывал во время прошлого приезда на конференцию в Ташкент. В первый раз я туда летел на специально зафрахтованном для участников конференции самолете. Теперь мы ехали на автобусе и видели, как школьники вручную собирали хлопок. Мы побывали в ташкентских музеях, полюбовались великолепной резьбой по ганчу, местного вида штукатурки, из которой выполняют узор и скульптуру. Пили чай в чайхане «Под голубыми куполами», покупали лепешки на базаре. Получили полный набор местных удовольствий.

Потом наступила «Перестройка» и было уже не до поездок на «халяву».

Надо заметить, что попасть в число участников Международного конгресса ИФАК было весьма сложно, почти невозможно. Обычно отправлялись на конгресс официальная делегация и еще две-три группы участников по 20-25 человек. Делегация состояла из нескольких участников оргкомитета от СССР, больших начальников, а также руководителей Национального комитета и членов руководства ИФАКА от СССР. Одна группа участников была от Академии Наук и состояла практически вся из сотрудников ИАТ, а другие группы оформлялась по линии международного научного туризма, где участники должны были сами оплачивать расходы по транспорту и проживанию. Места в них распределялись по 2-3 в нескольких крупных министерствах, где работы в области управления и автоматизации велись наиболее активно. Так как чиновники платить свои деньги не хотели, то могли иногда прорваться сотрудники головных НИИ этих министерств. Иногда отправлялась еще одна группа, состоящая из преподавателей вузов. При этом принятие международным оргкомитетом доклада никак не влияло на включение его автора в делегацию. Мой отец однажды получил предложение от оргкомитета очередного Хлебного конгресса (главное международное мероприятие, собирающее ученых в области переработки злаков) подготовить доклад. Конгресс в тот год проходил в Канаде. Папа передал все материалы, доклад был принят, и он получил от оргкомитета официальное приглашение и все материалы, необходимые для регистрации и размещения. После этого он решил, что вопрос его поездки решен, и не проследил момент формирования групп участников. В результате, его даже не включили в группу научного туризма от Министерства высшего образования, а доклад его будто бы зачитал кто-то из научных атташе посольства.